

АДЕЛИНА КИМ

НАУЧИ МЕНЯ
ОСТАВАТЬСЯ

ИНОГДА, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ,
НУЖНО ВПЕРВЫЕ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ БЫТЬ

18+

Аделина Ким

Научи меня оставаться

«Автор»

2026

Ким А.

Научи меня оставаться / А. Ким — «Автор», 2026

Она всю жизнь училась не привязываться. Он всю жизнь делал всё, чтобы его не любили. Но иногда самый опасный человек оказывается единственным, рядом с кем хочется остаться.

© Ким А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девушка с третьей парты	5
Глава 2. Неправильный человек	7
Глава 3. Телефонный разговор	9
Глава 4. Книжный магазин	12
Глава 5. Человек за броней	15
Глава 6. Долгая прогулка	17
Глава 7. Бабушка	20
Глава 8. Чужой сценарий	23
Глава 9. Осколки и книги	26
Глава 10. Привычная пустота	28
Глава 11. Горячая картошка	30
Глава 12. Девочка-праздник	32
Глава 13. Запретный интерес	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Аделина Ким

Научи меня оставаться

Глава 1. Девушка с третьей парты

Сентябрь в нашем городе всегда пах пыльной листвой, дешевым кофе из автомата и легким разочарованием от того, что лето слишком быстро пронеслось мимо.

Лера Воронцова сидела на третьей парте у окна — идеальная стратегическая позиция, которую она заняла еще за десять минут до начала лекции. Первая парта — для отличников, готовых ловить каждый вздох преподавателя. Последняя — для тех, кто планирует весь семестр спать или играть в телефоне. Третья парта была зоной безопасности. Отсюда отлично видно доску, но при этом ты не мозолишь глаза профессору и всегда можешь незаметно вытянуться на стуле, глядя, как за стеклом старого корпуса филфака ветер гоняет по двору пластиковые стаканчики.

Лера аккуратно выложила на деревянную, исписанную поколениями студентов столешницу толстую тетрадь в клетку и две ручки. Экран телефона на секунду вспыхнул.

Бабушка: *Лерусь, ты доехала? Всё хорошо? Надень шарф, на улице ветрено.*

Лера едва заметно улыбнулась и быстро набрала ответ, пока пальцы не свело от привычного, едва уловимого чувства вины.

Лера: *Да, бабуль, уже в аудитории. Всё супер. Шарф на мне.*

Ей было девятнадцать, но для бабушки она всё еще оставалась той маленькой двухлетней девочкой, которую нужно было защитить от всего мира после того, как родительская машина не доехала до дома в дождливый октябрьский вечер.

Лера не бунтовала. Она знала, что за этой удушающей гиперопекой скрывается дикий, первобытный страх остаться в абсолютно пустой квартире. Поэтому Лера просто отчитывалась о каждом своем шаге, выбирала местный региональный вуз вместо манящих столичных перспектив и старалась быть максимально правильной. Надежной. Предсказуемой.

— Ну что, девчонки, готовы к античной литературе? — Катя, сидевшая рядом, тяжело вздохнула и уронила голову на руки. — Мне кажется, если я сейчас услышу что-то про гексаметр, я просто умру прямо здесь.

— Не умрешь, — отозвалась Лера, поправляя воротник мягкого свитера, который когда-то принадлежал её маме. — Античка — это весело. Там все постоянно друг друга предают, превращают в быков и устраивают драмы. Практически как на нашей кафедре.

Филфак в их провинциальном университете жил по своим, давно устоявшимся законам. Главным из которых было абсолютное, бескомпромиссное отсутствие парней. На их курсе учились ровно девятнадцать девушек. Единственный мальчик, поступивший на первом курсе, сбежал после первой же сессии, не выдержав либо объемов латыни, либо женского внимания.

В аудиторию вошла доцент Ковалева — строгая женщина в роговых очках, чьи волосы были стянуты в такой тугий пучок, что, казалось, у нее из-за этого перманентно приподняты брови. Она когда-то училась вместе с Лериной бабушкой, и этот факт накладывал на Леру дополнительную ответственность: нельзя было облажаться. Ни в коем случае.

Ковалева раскрыла журнал, окинула взглядом притихший второй курс и уже собиралась начать лекцию, как тяжелая деревянная дверь аудитории с грохотом отворилась.

Поток холодного воздуха с коридора ворвался в душный класс. На пороге стоял парень.

Лера невольно повернула голову, как и все остальные девятнадцать человек в аудитории. Первое, что бросалось в глаза — рост. Он был высоким, широкоплечим, но как-то странно сутулился, словно пытался занять в пространстве как можно меньше места. Черная толстовка с

накинутым на голову капюшоном, поношенные темные джинсы и массивные наушники, сдвинутые на шею. Его лицо выглядело уставшим: резкие скулы, бледная кожа и темные круги под глазами, какие бывают после нескольких бессонных ночей подряд. В руках он держал только одну тонкую, помятую тетрадь.

Он не выглядел раскаявшимся из-за опоздания. Наоборот, его взгляд, скользнувший по рядам парт, казался колючим и злым. Настоящий вайб человека, с которым лучше не встречаться глазами в темном переулке. Или в светлой университетской аудитории.

— Савельев? — Ковалева опустила очки на кончик носа. В ее голосе зазвенел лед. — Вы решили почтить нас своим присутствием на второй неделе сентября? Мне передали ваши документы из деканата.

Парень ничего не ответил, лишь едва заметно кивнул и сделал шаг вперед.

— Хочу сразу предупредить вас, молодой человек, — продолжила преподаватель, и её голос стал еще громче. — Наш факультет — это не место для тех, кому просто нужна отсрочка от армии после отчисления из технического вуза. Здесь нужно читать. Много читать. Если вы думаете, что сможете просто пересидеть здесь зиму, вы ошибаетесь.

По аудитории прошел тихий шепоток со смешками. Катя рядом с Лерой тут же полезла в телефон, уже строча в общий чат курса, где не было преподавателей: *«Девочки, у нас пополнение. Шок»*.

Лера почувствовала, как внутри нее начинает закручиваться тугая пружина тревоги. Громкие разборки, чужая агрессия, этот слишком резкий, обличающий тон Ковалевой — всё это заставляло её сердце биться чаще. Ей физически хотелось сжаться, стать невидимой.

Она посмотрела на парня. Любой другой на его месте покраснел бы, начал оправдываться или виновато топтаться у доски. Но Артем Савельев лишь слегка улыбнулся, и эта улыбка выглядела как щит, который он выставил перед собой.

— Мне казалось, вуз получает деньги за мое присутствие, а не за мой искренний интерес к Гомеру, — глухо, но отчетливо произнес он.

Ковалева на секунду лишилась дара речи. В аудитории повисла такая звенящая тишина, что было слышно, как на улице сигналит машина.

— Садитесь, Савельев, — наконец процедила профессор, утыкаясь в свои бумаги. — Посмотрим, как вы заговорите на первой сессии.

Артем двинулся по проходу между партами. Он шел, демонстративно игнорируя шушуканье девчонок. Лера затаила дыхание, надеясь, что он пройдет мимо.

Ничего особенного. Просто усталый незнакомый парень с темными кругами под глазами. Но почему-то Лере стало не по себе.

Артем прошел дальше и сел за парту позади нее. Натянул наушники и отвернулся к окну. Будто вокруг никого не существовало.

Лера открыла тетрадь и вывела дату.

Потом название лекции.

А затем поймала себя на том, что уже третий раз отвлекается и смотрит через плечо.

Глава 2. Неправильный человек

К третьей неделе сентября Артем Савельев окончательно превратился в местную достопримечательность, к которой все боялись подойти слишком близко. В сугубо женском королевстве филфака он выглядел как инородный объект — громоздкий, угрюмый и совершенно не вписывающийся в разговоры о пушкинской эпохе или тонкостях старославянского языка.

Он всегда приходил за минуту до звонка, садился на четвертый ряд — прямо за спиной у Леры — и своим капюшоном словно выстраивал невидимую кирпичную стену.

В этот вторник на лекции по языкознанию было особенно душно. Старые радиаторы в аудитории жили своей жизнью и грели так, словно на улице бушевал январский буран, а не мягкая осень. Доцент Власова, бледная женщина с тихим, усыпляющим голосом, монотонно чертила на доске схемы предложений. Половина девчонок откровенно залипала в телефонах, держа их под партами.

— Савельев, — Власова внезапно прервала свое чтение и постучала мелком по деревянной кафедре. — Выпишите, пожалуйста, грамматическую основу второго предложения. Вы ведь всё равно ничего не конспектируете.

Лера услышала, как сзади зашуршала куртка — Артем слегка откинулся на спинку стула.

— Не могу, — донесся его глухой, простуженный голос. В тишине аудитории он прозвучал слишком громко.

Власова замерла с поднятым мелком.

— Простите? — она обернулась, растерянно моргая. Студенты филфака обычно не практиковали открытый бунт; максимум — тихо саботировали задания.

— Я не знаю, где там основа, — ровно, без капли стыда или уважения повторил Артем. — И конспектировать это не буду. Какой в этом смысл, если на экзамене вы всё равно спросите по методичке, которую сами же нам и продаете?

По рядам прошел синхронный, едва слышный выдох. Катя рядом с Лерой округлила глаза и судорожно вцепилась в свой блокнот. Власова пошла красными пятнами от шеи до щек.

— Савельев, вон из аудитории, — выдавила она, и её тихий голос сорвался на писк. — Вон. Разговаривать в таком тоне вы будете с деканом. Или в военкомате, куда вас так упорно тянет.

Артем поднялся. Спокойно закинул тетрадь в рюкзак и, не глядя на преподавателя, пошел к выходу. Дверь за ним захлопнулась с тяжелым, плотным стуком.

На большом перерыве подоконники в коридоре гудели. Лера сидела у окна, лениво ковыряя вилок остывшую запеканку из контейнера, пока вокруг нее разворачивался консилиум.

— Да его сто процентов поперли из политеха за драку, — авторитетно заявляла староста Маша, накручивая на палец прядь волос. — У меня знакомый там учится. Говорит, Савельев какому-то парню нос сломал прямо в главном холле. Еле отмазали от колонии, просто дело замяли и отчислили.

— Жесть какая, — поежилась Катя, отпивая кофе. — Он реально бешеный какой-то. Вы видели его руки? У него на костяшках постоянно кожа сбита. Он точно где-то дерется по ночам.

— А мне кажется, он сидел, — заговорщицким шепотом добавила девочка с первой парты. — Он из тех, кто сначала бьет, а потом спрашивает, как звали.

Лера слушала девчонок, и кусок не лез в горло. Она закрыла контейнер и отставила его в сторону.

От Савельева пахло сигаретным дымом и сыростью. Он спорил с преподавателями, хлопал дверями, был громким и резким. Рядом с ним всё привычное почему-то начинало казаться хрупким.

— Лера, а ты чего молчишь? — Катя толкнула её локтем. — Он же прямо за тобой сидит. Не страшно?

Лера натянула на ладони длинные рукава своего серого свитера и покачала головой.

— Я просто стараюсь держаться от него подальше, — тихо ответила она, глядя, как дождь начинает чертить на стекле неровные дорожки. — И вам советую. С такими людьми лучше не пересекаться.

Она мысленно провела черту между третьей и четвертой партой.

Савельев не сделал ей ничего плохого, они почти не разговаривали. И все же каждый раз, когда за спиной раздавался скрип стула и он опускался на свое место, Лера невольно напрягалась. Словно в аудиторию вместе с ним входило что-то способное в любой момент нарушить привычный порядок вещей.

Она старалась не оборачиваться лишний раз и не прислушиваться к его голосу, но взгляд то и дело цеплялся за темную толстовку на соседнем ряду.

Это было глупо, и Лера сама это понимала.

По-настоящему спокойно она чувствовала себя только дома, когда за спиной закрывалась входная дверь и ключ дважды поворачивался в замке.

Глава 3. Телефонный разговор

В этот четверг последняя пара закончилась на полчаса раньше — преподаватель по зарубежной литературе просто отпустил всех, сославшись на плохое самочувствие. Аудитория опустела за минуту. Лера не стала торопиться. Она не спеша собрала сумку, аккуратно завернула в пакет недоеденный бабушкин пирог и пошла в гардероб.

В старом корпусе филфака было тихо. Основной поток студентов уже схлынул, и в длинных коридорах с высокими потолками гулко отдавался каждый шаг. Лера спустилась на первый этаж, забрала свое длинное пальто и решила зайти в туалет в самом конце левого крыла — туда обычно никто не ходил, потому что там вечно не горел свет в предбаннике, а из окон сквозило.

Она толкнула скрипучую дверь, прошла мимо разбитого зеркала к раковинам и замерла. Из глубины помещения, у приоткрытого окна, выходящего на заброшенный внутренний дворик, кто-то стоял.

Это был Савельев. Капюшон сброшен, в руке зажата сигарета — он курил прямо здесь, стряхивая пепел в полуоткрытую форточку, хотя за это могли запросто вызвать к декану. К уху он прижимал телефон.

Лера хотела сразу развернуться и уйти, но подошва её ботинок скрипнула по старому кафелю. Артем не обернулся. Он вообще казался неестественно застывшим, словно окаменел. Из динамика его старого телефона прорывался резкий, дребезжащий женский голос. Настолько громкий, что в пустом полумраке туалета можно было разобрать отдельные слова.

— я тебе русским языком сказала, Артем, у меня нет лишних денег на твои долги по учебе, — быстро, раздраженно выговаривала женщина на том конце провода. — Я из-за тебя и так все свои накопления потратила, когда тебя из политеха вытягивали. Ты хоть раз можешь просто не создавать проблем? Мне своих забот хватает.

Артем сделал глубокую затяжку. Лера видела его профиль — челюсть была так сильно сжата, что на щеке ходил желвак. Но когда он заговорил, его голос поразил её. Это не был тот наглый, ледяной тон, которым он разговаривал с Власовой. Он звучал тихо, как-то сбито и совершенно беззащитно.

— Мам, я не прошу денег, — глухо сказал он, глядя куда-то в серую стену перед собой. — Я просто спросил, нашла ли ты мои документы. Те, что в синей папке остались. Они нужны для личного дела.

— Какая еще папка? — отмахнулся голос. — Мне некогда рыться в твоём хламе. Перерыл всю квартиру, устроил бардак и уехал. Весь в отца своего, тот тоже только требовать умел, а как до дела дошло

— Понял, — перебил её Артем. Он не кричал. В его «понял» было столько привычной, тупой усталости, что Лера невольно сделала шаг назад, прижимаясь спиной к стене. — Ладно. Я сам найду. Извини.

— И не звони мне среди дня, я на работе, — бросила женщина, и в трубке раздались короткие гудки.

Артем еще несколько секунд держал телефон у уха, слушая этот монотонный писк. Потом медленно опустил руку. С силой бросил окурочок в окно, оперся ладонями о подоконник и низко опустил голову, тяжело, прерывисто дыша. Его плечи, казавшиеся в аудитории огромными и опасными, сейчас выглядели почти хрупкими. Он стоял, ссутулившись сильнее обычного, и в этой позе было столько одиночества, что Лере на секунду показалось, будто перед ней не гроза курса, а потерявшийся ребенок.

Она слишком громко переступила с ноги на ногу.

Артем резко, рефлекторно обернулся. Его лицо в одно мгновение изменилось — глаза сузились, губы вытянулись в тонкую линию, а руки сами собой спрятались в карманы толстовки. На него словно снова надели ту самую привычную броню.

— Ты чего тут забыла? — спросил он. Голос вернул свою привычную хриплую резкость, но в нем еще улавливалась едва заметная дрожь.

— Я — Лера растерялась, крепче сжимая ремешок сумки. — Я просто зашла. Извини. Я не хотела подслушивать.

Она сделала шаг к выходу, но Савельев не двинулся с места, продолжая в упор смотреть на нее своими темными, уставшими глазами.

— И давно ты там стоишь? — спросил он, прищурившись. — На филфаке все такие любопытные, или это тебе лично делать нечего?

Другая бы на месте Леры обиделась или испугалась, но сейчас, после того, что она только что услышала, эта его грубость казалась ненастоящей. Фальшивой. Как плохой забор, который поставили наспех, просто чтобы никто не заглядывал внутрь.

— Нет, не все, — тихо ответила Лера, останавливаясь у самой двери. Она посмотрела на его костяшки — кожа на правой руке действительно была сбита, но сейчас это не выглядело пугающе. — И я правда не хотела. Просто у тебя всё нормально?

Артем от удивления даже бровь приподнял. Он явно ожидал чего угодно — что она убежит, начнет оправдываться, огрызнется в ответ. Но этот ее тихий, дурацкий вопрос, заданный без тени издевки, выбил его из колеи.

— А похоже, что нет? — буркнул он, отворачиваясь обратно к окну и натягивая капюшон на голову. — Иди куда шла, Воронцова. Занимайся своими отличными делами.

— Я не отличница, — зачем-то сказала Лера, делая шаг обратно вглубь помещения. Сердце билось где-то в горле, но она почему-то не уходила. — И у меня тоже бывают дни, когда хочется, чтобы все просто отстало. Особенно родители. Ну, то есть

Она осеклась, вспомнив, что делиться собственной историей посреди школьного туалета с парнем, которого боится весь курс — идея так себе.

Артем снова повернулся к ней. На этот раз его взгляд задержался на её лице чуть дольше. Он скользнул по её серому шарфу, по растрепавшейся русой пряди.

— У тебя-то какие проблемы могут быть? — без прежней злости, скорее с легким цинизмом спросил он. — Сидишь на своей третьей парте, пишешь лекции тремя цветами ручек. Тебя небось дома мамочка с горячим супом ждет.

Лера посмотрела на свои ботинки.

— Меня бабушка ждет, — негромко произнесла она. — Родители погибли, когда мне было два года. Так что горячий суп есть, а вот мамы — нет.

В туалете снова стало очень тихо. Было слышно, как мелкий дождь стучит по жестяному отливу за окном. Артем Савельев стоял неподвижно, и Лера увидела, как его пальцы в карманах толстовки медленно разжались. Вся его напускная агрессия, вся эта дурацкая ухмылка куда-то испарились, оставив только растерянность.

— Черт, — тихо выдохнул он, утыкаясь взглядом в пол. — Извини. Я не знал.

— Ничего, — Лера слабо улыбнулась и потянула за ручку двери. — Ты же не мог знать. Пока, Савельев.

— Погоди, — окликнул он её, когда дверь уже приоткрылась.

Лера обернулась. Артем топтался у окна, выглядя на удивление неловко для своего роста.

— Ты это девчонкам своим не рассказывай, ладно? Ну, про телефон. — Он дернул плечом, снова уходя в глухую защиту. — Мне не нужны их сопли. И обсуждения эти на подоконниках тоже.

Лера посмотрела на него — прямо в его темные глаза, в которых сейчас не было ничего опасного. Только глухой страх, что его увидят слабым.

— Я никому не скажу, Артем, — серьезно пообещала она. — Честное слово.

Он едва заметно, коротко кивнул. Лера вышла в коридор, и дверь за ней закрылась.

Она шла к выходу из университета, чувствуя, как внутри медленно тает то липкое напряжение, которое держало её последние три недели. Черта между третьей и четвертой партой никуда не делась, но теперь она больше не казалась Лере границей между безопасностью и хаосом. За этой чертой просто сидел обычный, очень уставший человек, которому тоже было больно.

Глава 4. Книжный магазин

Книжный магазин «Букинист» прятался в подвальном помещении старого сталинского дома недалеко от центра. Здесь всегда было прохладно, пахло пожелтевшей бумагой, сушеной лавандой и немного сыростью. Для Леры это место было вторым домом после квартиры: тихие шаги редких покупателей, мягкий свет настольных ламп с зелеными абажурами и бесконечные ряды стеллажей, уходящие под самый потолок. Сюда хаос внешнего мира добирался редко.

В эту субботу ливень начался внезапно. Небо над городом за считанные минуты налилось свинцом, и на асфальт обрушилась глухая стена воды.

Лера сидела за кассой, уткнувшись в конспект по древнерусской литературе, когда колокольчик над входной дверью бешено зазвонил. В узкий коридорчик, тяжело дыша, буквально влетел человек.

Он громко топнул кроссовками, отряхивая воду, и шумно выдохнул. Лера подняла голову.

Капюшон толстовки был насквозь мокрым и облепил голову, с темных волос на лицо стекали крупные капли, а куртка потемнела от влаги. Савельев.

Артем стоял у порога, растерянно оглядываясь по сторонам. Он явно бежал со всех ног, спасаясь от грозы, и свернул в первую попавшуюся открытую дверь. Заметив Леру, он на секунду замер. Его челюсть привычно сжалась, а взгляд моментально стал колючим.

— Привет, — тихо сказала Лера, рефлексивно поправляя рукава свитера.

— Привет, — буркнул он в ответ. — Я там ливень стеной. Постою у входа, пока не кончится?

— Заходи, чего там стоять, там сквозит, — Лера кивнула в глубину зала. — Можешь куртку на вешалку повесить, с нее течет.

Артем неохотно стянул тяжелую мокрую куртку. Под ней оказалась все та же черная толстовка. Он прошел между стеллажами, ступая на удивление тихо, и остановился у полки с зарубежной классикой. Лера наблюдала за ним краем глаза. Ей вдруг стало неловко: одно дело — пересекаться в огромном университете, и совсем другое — находиться вдвоем в замкнутом, полупустом подвале. Внутри привычно зашевелилась тревога. Зачем он здесь? Что сказать? Опять покажется, что она лезет не в свое дело.

Артем долго изучал корешки книг, потом вытащил какой-то толстый том, полистал и со стуком вернул на место.

— У вас тут как в склепе, — глухо произнес он, не оборачиваясь. — Тихо слишком.

Лера внутренне ощетинулась. Ей показалось, что он снова издевается или критикует место, которое она так любила.

— Если тебе не нравится, тебя никто не держит, — обиженно ответила она, утыкаясь обратно в свою тетрадь. — Дождь уже тише, можешь идти.

Артем обернулся. На его лице отразилось искреннее недоумение. Он подошел ближе к кассе и облокотился на деревянную стойку.

— Ты чего завелась? Я просто сказал, что тихо. После политеха, где на переменах все орут как бешеные, это непривычно.

Лера подняла на него глаза, готовая защищаться, но Савельев смотрел без своей привычной издевательской ухмылки. Под глазами все так же чернели тени, а на лбу осталась полоса от мокрого капюшона. Он выглядел просто уставшим и промокшим парнем, а вовсе не агрессором, каким его рисовали девчонки.

— Извини, — Лера опустила взгляд. — Я думала, ты не важно.

— Забей, — Артем дернул плечом и кивнул на ее конспект. — Опять свои шифры пишешь? Вам реально интересно читать про всех этих мертвых греков и древних князей?

— Интересно, — Лера слабо улыбнулась, чувствуя, как глупое напряжение уходит. — Это лучше, чем реальность. В книгах у всего есть логика. Даже если всё заканчивается плохо, ты хотя бы понимаешь, почему так произошло.

Артем молчал пару секунд, разглядывая царापину на стойке.

— В жизни логики нет, это точно, — согласился он, и в его голосе снова промелькнула та самая глухая тоска из телефонного разговора. Но он тут же перевел тему, словно испугавшись собственной открытости. — Ладно, филолог. А чай у вас тут есть? А то я пока бежал, кажется, все лужи собрал. Зубы стучат.

Лера заколебалась. Ее закрытость отчаянно твердила: *«Не надо, напоишь чаем — он начнет приходить сюда постоянно, разрушит твоё пространство»*. Но Артем снова шмыгнул носом и зябко повел плечами. Она вздохнула.

— Есть. Черный с бергамотом. Будешь?

— Давай. Без сахара.

Лера ушла в крошечную подсобку, где стоял старый электрический чайник. Когда она вернулась с двумя большими кружками, Артем уже сидел на невысоком кожаном пуфике в углу зала, вытянув свои бесконечные ноги.

Она протянула ему кружку. Он взял её обеими руками, грея ладони о теплый фаянс.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Лера села на стул напротив, поджав под себя одну ногу. За окном-отдушиной под потолком продолжал шуметь дождь, но этот звук теперь казался уютным.

— А ты почему не стал в политехе до конца бороться? — спросила Лера и тут же прикусила язык. Ей стало страшно, что она нарушила границу, и он сейчас разозлится. — Извини, можешь не отвечать. Это не мое дело.

Артем сделал глоток, поморщился от горячего чая и посмотрел на нее из-под бровей. На секунду в его глазах вспыхнуло привычное желание огрызнуться, но он лишь тяжело вздохнул и откинулся спиной на книжный стеллаж.

— Да нормально всё, че ты дергаешься каждый раз, как будто я тебя ударить хочу, — буркнул он. — Нечего там было бороться. Там декан — тварь редкая. Сказал, либо я забираю документы сам, либо они вызывают полицию и дают ход делу из-за той драки. Мать орала три дня. Сказала, что я ей всю жизнь испортил. Ну я и забрал. А филфак туда недобор был. Мне пацан один знакомый сказал, что туда берут всех, у кого есть паспорт и кто умеет читать по слогам. Вот я и пришел. Чтобы в казарму в ноябре не уехать.

Он говорил об этом цинично, почти равнодушно, но Лера заметила, как сильно он сжал кружку — пальцы побелели.

— И как тебе у нас? — тихо спросила она.

— Девчатник ваш — это жсть, — Артем впервые за всё время коротко, хрипло усмехнулся. — Все смотрят так, будто я у них кошелек украл. Или караулят у входа. Обсуждают за спиной, думают, я не слышу.

— Ну, ты сам виноват, — Лера осмелела. — Зачем ты Власовой наговорил про методички? Она же теперь тебя со свету сживет на сессии.

— А че она лезет? — в голосе Артема снова прорезались жесткие нотки. — Сидит, бубнит под нос. Ей плевать на нас, мне плевать на её основы. Зачем этот цирк устраивать? Терпеть не могу, когда начинают воспитывать при всех. Нормально сказать нельзя было?

Лера промолчала. Ей хотелось сказать, что иногда можно просто промолчать и не разрушать всё вокруг себя, но она вовремя остановилась. Ей не хотелось его учить.

Они сидели в тишине еще минут десять. Артем медленно пил чай, разглядывая старые плакаты на стенах, а Лера смотрела на то, как пар поднимается от её кружки. Между ними не было глянцевого правильности. Он по-прежнему казался слишком резким и угловатым, а она —

слишком робкой и готовой в любой момент спрятаться в свою раковину. Но в этой подвальной тишине, под шум уходящего ливня, им впервые не нужно было защищаться друг от друга.

Артем допил чай, поставил кружку и поднялся, снова превращаясь в огромного и сутулого парня.

— Дождь кончился, — сказал он, глядя вверх, где на сером небе проглядывал бледный луч солнца. — Пойду я.

Он подошел к вешалке, натянул все еще влажную куртку. На пороге обернулся.

— Чай нормальный. И спасибо, Воронцова, что не выгнала.

— Пока, Савельев, — тихо ответила она.

Колокольчик над дверью снова звякнул, впуская в магазин свежий запах мокрого асфальта. Лера подошла к столу, забрала пустые кружки и поймала себя на мысли, что её пальцы больше не дрожат.

Глава 5. Человек за броней

К концу сентября погода окончательно испортилась. Небо над городом затянуло плотным серым пледом, а в аудиториях старого корпуса стало так холодно, что девчонки сидели на лекциях, не снимая курток и шарфов.

Отношения Артема с курсом застыли в фазе холодного вооруженного нейтралитета. Его больше не пытались задевать преподаватели — после истории с Власовой профессора предпочитали просто не замечать четвертый ряд. Савельев платил им тем же, игнорируя задания, но продолжая посещать каждую лекцию.

Лера по-прежнему занимала свою третью парту, хотя теперь её привычная зона безопасности почему-то изменилась. Черта, которую она мысленно провела между собой и Артемом, оказалась прозрачной. Она больше не оборачивалась, но её слух и внимание помимо воли настроились на человека, сидевшего сзади.

В среду на первой паре в аудитории было непривычно тихо — все дописывали сложный конспект по фольклору. Доцент за столом лениво перелистывал какую-то газету.

На заднем ряду Катя, сонная и растрепанная, потянулась к сумке за термосом, неловко задела локтем тяжелый, в толстом переплете учебник по языкознанию, и тот с глухим хлопком рухнул на старый паркет.

Половина девчонок даже не подняли голов от тетрадей. Катя просто тихо выругалась и полезла поднимать книгу.

Лера сидела прямо, спиной чувствуя, как резко дернулся от звука Савельев. Она не выдержала и обернулась.

Артем сидел, намертво вцепившись пальцами в край столешницы, но заметив на себе взгляд Леры, моментально обмяк, со злостью отбросил ручку на стол и снова натянул капюшон на самые глаза. Рука его при этом продолжала мелко дрожать.

На большом перерыве Лера пошла в буфет за чаем. Очередь растянулась чуть ли не до лестничного пролета, и она решила переждать суматоху в небольшом тупиковом коридоре у кафедры, где обычно было пусто.

Там, в самом конце, у высокого окна, стоял Савельев. На подоконнике лежал его рюкзак, а сам он листал что-то в телефоне.

Лера медленно пошла по коридору. В этот момент из дверей кафедры с громким смехом вывалились трое старшекурсников. Они бурно обсуждали прошедший зачет, размахивали руками и двигались прямо в сторону Артема.

Лера остановилась, наблюдая. Савельев моментально перевел взгляд с их лиц на руки, потом скользнул глазами по пространству за их спинами и сделал два шага назад. Он встал так, чтобы его лопатки коснулись глухой стены, а плечо уперлось в угол. Из этой позиции было видно всё: и троих парней, и Леру, стоявшую у лестницы, и тяжелую дубовую дверь запасного выхода.

Старшекурсники прошли мимо, даже не обратив на него внимания. Артем дождался, пока их шаги затихнут на лестнице, и только тогда заметно перевел дыхание.

Лера подошла ближе. Она остановилась в паре метров, не нарушая границ.

— Привет, — тихо сказала она.

Артем перевел на нее взгляд, тут же сунув телефон в карман джинсов экраном вниз.

— Привет, — буркнул он, пряча руки в карманы толстовки. — Ты чего здесь ходишь? В буфете булочки закончились?

— Там очередь огромная, — Лера слабо улыбнулась. — Решила подождать, пока все разойдутся.

Артем упорно избегал смотреть ей в глаза дольше двух секунд — переводил взгляд то на её шарф, то на стену за её плечом.

— Ну, стой, — он дернул плечом и отвернулся к стеклу.

В этот момент со стороны лестницы послышались быстрые шаги — Катя бежала искать Леру, громко цокая каблуками по кафелю. Она вывернула из-за угла и, не замечая Артема, крикнула:

— Лерка, пошли быстрее, там староста списки на проездные собирает!

Катя подлетела к Лере и на ходу схватила её за локоть, увлекая за собой. Из-за её резкого маневра они оказались слишком близко к Савельеву, практически зайдя ему за спину, чтобы развернуться к лестнице.

Артем буквально отшатнулся в сторону, сильно прижавшись спиной к подоконнику. Его лицо перекошило.

— Не надо так делать, — глухо процедил он сквозь зубы, глядя на Катю.

— Как — так? — Катя растерянно моргнула.

— Подлетать со спины не надо, — отчеканил он, и на его губах снова появилась та самая холодная, злая ухмылка. — Мир вокруг тебя не вращается. По коридору нормально ходить научись.

— Ну и псих, — фыркнула Катя, обиженно разворачиваясь. — Пошли, Лер. С ним реально говорить невозможно, вечно бросается на людей.

Лера пошла вслед за Катей.

Уже на лестнице она обернулась.

Савельев всё так же стоял у окна. Старшекурсники давно ушли, коридор опустел, но он почему-то не отходил от стены.

Глава 6. Долгая прогулка

Субботнее расписание Леры Воронцовой не менялось с первого курса. В тринадцать сорок — окончание лекций. В четырнадцать десять — автобус до дома. В четырнадцать сорок она должна была переступить порог квартиры, чтобы бабушка, стоявшая у окна в кухне, опустила тяжелую занавеску и выключила газ под закипающим супом. Если автобус задерживался хотя бы на семь минут, Лера отправляла короткое сообщение: «Еду, всё хорошо». Она знала, что если этого не сделать, на восьмой минуте телефон начнет разрываться от звонков, а в голосе бабушки появится та самая знакомая, звенящая нота сухой, вымотанной паники.

Мир Леры держался на этих невидимых сваях: цветных маркерах в конспектах, вовремя сданных книгах и привычке всегда уступать дорогу в узких коридорах.

— Лерка, ты просто святая, выручи! — Катя влетела в гардероб, на ходу застегивая пальто. — Дай тетрадь по фольклору до понедельника? Я на выходных всё перепишу, честное слово. Сан Саныч меня убьет, если я к семинару не подготовлюсь.

— Конечно, возьми, — Лера мягко улыбнулась, вытаскивая из сумки аккуратную общую тетрадь, где каждый раздел был отделен пластиковым разделителем. — Только не залей кофе, ладно?

— Обожаю тебя! Ты лучшая! — Катя чмокнула её в щеку и умчалась к выходу, где её уже ждали девчонки с параллельного потока.

Лера проводила её взглядом. Староста Маша, пробегая мимо, помахала рукой: «Лер, спасибо, что скинула вчера списки на проездные, ты как всегда выручаешь».

Для всего филфака Лера была именно такой: надежной, тихой, бесконечно доброй. На нее нельзя было обижаться, с ней невозможно было поссориться, потому что при малейшем намеке на чужое раздражение Лера просто шаг за шагом отступала назад, гася конфликт вежливой улыбкой. Девочки думали, что у Леры легкий характер.

Никто из них не видел, как у Леры каменели пальцы, когда кто-то в коридоре слишком громко хлопал дверью деканата. Никто не знал, почему она никогда не выключала вибрацию на телефоне и трижды проверяла, заперта ли входная дверь, перед тем как лечь спать. Двухлетний ребенок не помнит скрежета металла и разбитого лобового стекла на пригородной трассе. Но этот ребенок вырастает в квартире, где тридцать лет не переставляют чашки на полке, потому что любое изменение — это предвестник катастрофы.

В эту субботу Лере пришлось задержаться в библиотеке, чтобы сдать тяжелые тома по древнерусской литературе. Расписание сбилось на целых сорок минут. Лера застегнула пальто до самой верхней пуговицы, поглубже пряча нос в огромный вязаный шарф. Руки в тонких перчатках уже начинали зябнуть. Она терпеть не могла эту переходную погоду, когда холод пробирался под одежду, лишая ощущения тепла и контроля.

Она быстро набрала сообщение: «Бабуль, задержалась в библиотеке. Буду на час позже. Всё в порядке». Дождалась, пока статус сменится на «Доставлено», и только тогда выдохнула.

— Воронцова, ты так до темноты стоять будешь? — раздался сбоку знакомый хриплый голос.

Артем сидел на невысоком каменном парапете у крыльца, лениво листая что-то в телефоне. На нем была все та же расстегнутая куртка, из-под которой виднелся неизменный темный капюшон. Казалось, он вообще не замечал сырости.

— Я перчатки искала, — тихо ответила Лера, сделав шаг в сторону, чтобы между ними оставалось свободное пространство. — А ты чего здесь? Пары ведь давно закончились.

— Ждал, пока толпа рассосется, — Артем поднялся, закинул рюкзак на одно плечо и кивнул в сторону трамвайных путей. — Пошли. Всё равно в одну сторону.

Лера удивленно посмотрела на него. Внутри привычно шевельнулось опасение: «*Зачем? О чем говорить? А вдруг он снова начнет грубить?*» — но Савельев уже шагнул на дорожку, и ей ничего не оставалось, кроме как пойти следом. Между ними было около полуметра расстояния — невидимая, но четкая дистанция.

Первые десять минут они шли в глухом молчании. Слышно было только, как шуршат под подошвами мокрые кленовые листья. Чтобы хоть как-то унять внутреннее напряжение, Лера спросила первое, что пришло в голову:

— Ты подготовил доклад к Сан Санычу на понедельник? Он же обещал устроить разнос. Артем коротко усмехнулся, не вынимая рук из карманов.

— Этот старик опять меня Олегом назовет, как на прошлой неделе. Какая ему разница, есть доклад или нет? Он половину группы по именам не помнит, зато вчера посреди лекции ни с того ни с сего начал шпарить «Слово о полку Игореве» наизусть. На древнерусском. Минут пять читал, пока слюна не потекла, а потом ка-а-ак бахнет кулаком по столу: «Смерды!». Машка со второй парты чуть со стула не рухнула.

Лера не выдержала и тихо прыснула, прикрыв рот ладонью в перчатке. Она сама на той лекции внутренне содрогнулась от этого удара по столу, но сейчас, в пересказе Артема, это почему-то прозвучало почти смешно.

— Он не злой. Он просто в своем мире живет. У него дома, говорят, вся квартира книгами завалена до потолка.

— Ну и глупость, — буркнул Артем, срезая путь через глухой проходной двор. — Зачем столько макулатуры в одном месте держать? Ты, небось, тоже каждую свободную минуту в свои книжки утыкаешься?

— Не каждую, — Лере стало немного обидно, и она натянула рукава пальто пониже. — Но читать — это нормально. А ты сам вообще что-нибудь любишь? Из классики?

— Ничего я не читал, Воронцова. Из школьной программы — только краткое содержание «Муму», и то потому, что собаку жалко было. В политехе у нас другие предметы были, там за чертежи гоняли, а не за чужие мысли.

— И совсем ничего-ничего? — Лера недоверчиво прищурилась, глядя на его профиль.

— Совсем, — он снова выдал свою привычную ухмылку, но в ней не было злости, скорее ленивое желание отмахнуться.

Они вышли к старому мосту через реку. Лера обычно никогда здесь не ходила — этот район казался ей слишком серым, с заброшенными складами и какими-то полуразрушенными кирпичными постройками. Безлюдные места всегда вызывали у нее подсознательное желание развернуться и уйти туда, где есть фонари и витрины. Она невольно замедлила шаг, озираясь по сторонам.

— Ты чего? — Артем остановился и посмотрел на нее.

— Здесь неуютно как-то, — честно призналась она, сильнее кутаясь в шарф. — Я обычно только по центральной улице хожу. Там светло, магазины, люди, а тут пустырь какой-то.

Артем обернулся, оглядывая темную полосу реки и серые коробки зданий на том берегу. На его лице появилось странное, почти умиротворенное выражение.

— А мне нравится. Тут тихо, солнца нет, жара эта дебильная не давит в голову. Терпеть не могу лето, когда спрятаться некуда и всё вокруг орет. А сейчас нормально. И город отсюда совсем другой. Смотри, вон там, за трубами — это старая водокачка, её еще до войны строить начали, а если пройти вон через те гаражи, можно выйти прямо к заброшенному депо. Там крыша стеклянная, наполовину разбитая. Когда дождь идет, звук такой, будто по барабану бьют.

Лера слушала его и удивлялась. Оказалось, Савельев знал город так, словно сам его пересобирает по кирпичикам. Он ориентировался в этих мрачных, извилистых переулках уверенно и спокойно, находя безопасность в вещах, которые её обычно пугали.

— Ты так много ходишь пешком, — тихо заметила она, когда они спустились с моста. — Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь? Ну, дома, на диване?

Артем на секунду замер, поддев носком кроссовка мокрый камушек. Его лицо на мгновение словно окаменело, теряя ту расслабленность, что появилась на мосту.

— Не люблю свободное время, — глухо бросил он.

Он резко прибавил шаг, переводя тему разговора еще до того, как Лера успела осознать его слова.

— Вон там, кстати, через два квартала, кофейня есть. Там этот как его раф продают с лавандой. Тебе, как филологу, должно понравиться. Зайти хочешь? А то у тебя уже нос красный от холода.

Лера заулыбалась от нелепости его слов и поспешила за ним, едва успевая перебирать ногами. Внутри нее на секунду звякнул тихий колокольчик удивления от его резкого ответа, но горячий чай или кофе сейчас казались слишком заманчивой идеей, чтобы спорить.

— Хочу, — ответила она, догоняя его. — Только если без лаванды. Она мылом пахнет.

Артем впервые за всю прогулку посмотрел ей прямо в глаза — коротко, всего на секунду, но без своей обычной колючести.

— Ладно, Воронцова, будет тебе без мыла.

Они шли дальше по темнеющей улице. Лера вытащила из кармана телефон, чтобы проверить время, но, посмотрев на Артема, который шагал рядом, подстроившись под её неторопливый шаг, почему-то убрала его обратно, даже не разблокировав экран. Её плечи больше не были зажаты, а привычное чувство тревоги, которое всегда преследовало её вне знакомых маршрутов, куда-то исчезло. Рядом с этим угрюмым, резким парнем, который не любил оставаться наедине с собой, было странно и непривычно спокойно.

Глава 7. Бабушка

В прихожей Лериной квартиры пахло корицей, сушеными яблоками и старыми книгами. Этот запах не менялся годами, оставаясь неизменным, как и три оборота ключа в замке.

Артем топтался у порога, выглядя в тесном пространстве прихожей неестественно огромным и нелепым. Он затылком едва не задевал хрустальный рожок старого бра, а его грязные кроссовки казались чужеродными на мягком, толстом ковре песочного цвета, устилавшем весь коридор. Савельев стоял, засунув руки глубоко в карманы, и его взгляд привычно сканировал незнакомую территорию: вешалка, зеркало в резной раме, закрытая дверь в гостиную. На его лице застыло то самое глухое, настороженное выражение, с которым он обычно заходил в университетские аудитории.

Из кухни послышался мягкий шорох, и на пороге появилась бабушка.

Тамара Владимировна выглядела так, словно только что вернулась с университетской кафедры, а не провела полдня у плиты. Ей было около шестидесяти, но держалась она с безупречной, почти балетной грацией — прямая спина, аккуратная короткая стрижка светлых, тронутых благородной сединой волос, легкий брючный костюм глубокого синего цвета. И глаза — точно такие же, как у Леры: большие, внимательные, но без той лихорадочной тревожной искры, которая часто вспыхивала у внучки.

— Добрый вечер, — произнесла она, и её голос, ясный и глубокий, мгновенно заполнил прихожую. — Лерочка, ты сегодня пунктуальна, как швейцарские часы, которые забыли завести, но они всё равно показывают правильное время дважды в сутки. А это, надо полагать, Артем?

Савельев едва заметно вздрогнул. Его плечи приподнялись, а челюсть привычно сжалась. Он явно приготовился к расспросам, нравоучениям или скрытому упреку — к той самой словесной перепалке, в которой он всегда привык побеждать первым ударом.

— Здравствуйте, — глухо буркнул он, не зная, куда деть рюкзак.

— Не стойте на пороге, молодой человек, у нас в коридоре сквозняки такие, что могут унести не только простуду, но и остатки здравого смысла, — Тамара Владимировна мягко улыбнулась и сделала приглашающий жест в сторону гостиной. — Проходите. Разувайтесь, тапочки вон в той плетеной корзине.

Артем замер, перебарывая фразу. На его лбу прорезалась глубокая складка — он мучительно пытался понять, где в этих словах скрыто нападение. Подвох. Сарказм, за которым обычно следует скандал. В его собственной семье слова матери всегда были прямыми и тяжелыми, как кирпичи, а если отец и шутил, то это всегда заканчивалось битьем посуды или звуком хлопнувшей двери.

В этот момент из комнаты, лениво переваливаясь с боку на бок, вышел огромный рыжий кот. Он бесцеремонно подошел к кроссовкам Артема, шумно обнюхал шнурки, а затем, проигнорировав Лерины попытки его отогнать, встал на задние лапы и потянулся когтями к джинсам Савельева.

— Персик, нельзя! — испуганно прошептала Лера, шагнув вперед, чтобы перехватить животное. Ее сердце привычно забилось быстрее: сейчас Артем разозлится, пнет кота или рывкнет.

Но Артем не двинулся. Он смотрел сверху вниз на наглую рыжую морду с каким-то оцепенением. Потом медленно, очень осторожно вынул руку из кармана и коснулся пальцами пушистой головы. Кот моментально зажмурился и выдал такое громкое, тракторное урчание, что оно, казалось, завибрировало в самом полу.

— Он не кусается? — тихо спросил Артем. Его голос прозвучал на удивление чисто, без привычной хриплой резкости.

— Только если вы попытаетесь оспорить его право на лучшую подушку в доме, — отозвалась из кухни бабушка. — Мы ждем вас за столом.

Квартира Леры была соткана из тепла. Здесь не было кричащих цветов или современной угловатой мебели — всё вокруг, от кремовых обоев до кружевной скатерти на круглом столе, дышало каким-то вековым, незыблемым покоем. На стенах висели старые черно-белые фотографии в аккуратных рамках, а на подоконнике цвели герани в глиняных горшках.

Ужин проходил в странной, непривычной для Артема атмосфере. Точнее, атмосфера не была гнетущей — её заполнял стук фарфоровых приборов и легкий, струящийся разговор.

— Артем, передайте, пожалуйста, салат, — попросила Тамара Владимировна, накладывая внучке горячее. — И не смотрите на эти пирожки с таким подозрением. В них нет ничего, кроме капусты и моей искренней надежды, что современная молодежь еще способна переваривать углеводы без предварительного одобрения в соцсетях.

Артем аккуратно протянул салатник, стараясь не задеть ее пальцы. Он ел медленно, почти не поднимая глаз от тарелки, но Лера видела, как постепенно опускались его вечно зажатые плечи. Никто не кричал. Никто не требовал от него отчетов за политех, за драки, за порванные костяшки пальцев. Никто не смотрел на него как на проблему, которую нужно срочно решить или выставить за дверь.

— Лерочка говорила, что вы учились на техническом факультете? — мягко спросила Тамара Владимировна, прихлебывая чай.

— Да, — Савельев напрягся, пальцы на вилке побелели. — Отчислили за драку.

Лера внутренне сжалась, готовая перевести тему, сгладить, защитить. Ей стало страшно за этот хрупкий мир, который сейчас мог разрушиться от одного неосторожного слова. Она привычно приготовилась подстроиться, погасить конфликт, которого еще даже не было.

Тамара Владимировна спокойно отпила из чашки и кивнула:

— Разумное решение. Филология гораздо безопаснее для окружающих, здесь можно убивать персонажей исключительно на бумаге, и за это даже иногда ставят зачеты. Главное — не перепутать синтаксис с синекдохой, от этого травмы у преподавателей бывают сильнее, чем от драки.

Артем поднял голову и впервые посмотрел на Тамару Владимировну прямо, без своего двухсекундного лимита. На его губах медленно, почти болезненно прорезалась не привычная злая ухмылка, а настоящая, слабая улыбка. Он наконец понял: над ним не издевались, его приняли.

После ужина, когда Артем ушел мыть руки, Лера стояла у кухонного окна, глядя на темнеющий двор. Внутри нее бушевал странный, непривычный хаос.

Она перевела взгляд на коридор, где у зеркала висела его тяжелая, пахнущая дождем и табаком куртка.

Лера поймала себя на мысли, что Савельев — это ее полная противоположность, доведенная до какого-то абсолюта. Она потратила всю свою жизнь на то, чтобы стать невидимой, правильной, удобной. Она просчитывала каждый шаг, подстраивалась под настроение бабушки, под требования преподавателей, под страхи своего прошлого. Она возвела правила в ранг закона, чтобы мир вокруг нее просто не взорвался еще раз.

А Артем Артем шел напролом. Он не умел и не хотел подстраиваться. Если ему было плохо — он хамил, если его злили — он бил. Он выплескивал свои чувства наружу, не заботясь о последствиях, о том, что о нем подумают, или о том, как это разрушит его жизнь. Он не боялся конфликтов, он существовал в них.

Сначала это пугало её до дрожи в коленях, но сейчас, глядя на то, как этот взрослый, изломанный парень спокойно пьет чай из старого бабушкиного сервиза с ангелами, Лера почувствовала, как внутри привычного страха зарождается что-то совершенно иное.

Ей вдруг стало безумно, отчаянно интересно узнать, каково это — быть человеком, который не боится сломать этот мир, вместо того чтобы бесконечно его склеивать.

Тамара Владимировна неспешно собирала со стола пустые чашки. Она двигалась почти бесшумно, осторожно ставя фарфор один в другой, словно боялась нарушить уют, который только что поселился на кухне.

— Ты ведь не думала, Лерочка, что твое лаконичное сообщение «Я буду не одна» подготавливает меня к визиту молодого человека, который едва помещается в нашей прихожей? — негромко спросила бабушка, чтобы ее голос не долетел до коридора. — Я, признаться, сначала решила, что к нам пришел грузчик или спасатель.

Лера смущенно улыбнулась.

— Бабуль, извини. Всё получилось случайно. Мы просто шли от университета, поднялся ветер, а он... ну, был совсем легко одет.

— Тебе не за что извиняться.

Тамара Владимировна поставила последнюю чашку в раковину и мягко коснулась плеча внучки. Веселые морщинки в уголках ее глаз разгладились.

— Знаешь, что я заметила? Мальчик очень голодный.

— В смысле?

— И сейчас я не про пирожки.

Лера подняла на нее взгляд.

— Видела, как он держал чашку? Будто боялся, что ее сейчас заберут. Люди так не держатся за чай — люди так держатся за то, чего им давно не хватает.

Лера промолчала, машинально теребя край кухонного полотенца.

Тамара Владимировна на несколько секунд задумалась, глядя в темное окно.

— В нем много боли, Лер. Даже больше, чем он сам готов признать. Такие люди часто кажутся колючими и грубыми, но это не самое опасное.

— А что самое?

Бабушка чуть заметно улыбнулась.

— Желание их пожалеть.

Лера нахмурилась.

— Не потому, что он может тебя обидеть, — спокойно продолжила Тамара Владимировна. — Просто чужую боль очень легко принять за свою, а потом долго разбираться, где заканчивается один человек и начинается другой.

В коридоре щелкнул выключатель, Тамара Владимировна мгновенно вернула лицу привычное лукавое выражение и кивнула в сторону двери.

— Ну всё, наш богатырь возвращается. Иди проводи гостя, а то он, чего доброго, испугается, что его собираются взять в плен.

Глава 8. Чужой сценарий

Ноябрь ворвался в город ледяным ветром, который за пару дней сорвал с деревьев последние мертвые листья и превратил лужи в хрупкие зеркала. В аудиториях филфака стало окончательно неуютно — из щелей старых оконных рам нещадно дуло, и студенты сидели на парах, с ног до головы закутавшись в шерстяные пледы и безразмерные свитеры.

Для Леры после того ужина изменилось всё. Точнее, внешне их жизнь с Артемом осталась прежней: он всё так же молча опускался на четвертый ряд прямо за её спиной, всё так же натягивал капюшон и игнорировал попытки преподавателей втянуть его в дискуссии, но теперь между ними исчезло глухое, липкое напряжение. Когда он садился на свое место, Лера больше не сжималась. Наоборот, его присутствие сзади стало ощущаться как какая-то странная, монолитная стена, защищающая её от остального шумного потока.

В этот вторник у них была двойная пара по зарубежной литературе, которую вел профессор Ковалев — мужчина строгий, педантичный и не выносящий малейшего нарушения дисциплины.

— Итак, господа филологи, — Ковалев прошелся вдоль доски, заложив руки за спину. — Мы переходим к анализу семейного конфликта в новой драме Ибсена. Обратите внимание, как в «Привидениях» деструктивный сценарий покойного камергера Альвинга капля за каплей перетекает в жизнь его сына Освальда. Трагедия здесь не в проклятии богов, а в наследственности и душной атмосфере дома. Ребенок, выросший в системе фальшивых ценностей, подсознательно обречен либо повторять родительскую модель, либо, как Освальд, тратить все силы на яростный, разрушительный бунт против нее, уезжая в Париж и сжигая себя. Третьего Ибсен своим героям, как правило, не дает. В рамках текста этот тупик неизбежен.

По аудитории прошелся шорох перелистываемых страниц. Девчонки увлеченно конспектировали.

Лера замерла, держа ручку над тетрадью. Слова профессора попали в какую-то очень старую, болезненную точку внутри нее. «*Яростный бунт или повторение*». Она вспомнила бабушкину занавеску на кухне, вечный страх опоздать на семь минут и свою собственную, выверенную до миллиметра жизнь. Она выбрала не бунт Освальда. Она выбрала абсолютное, идеальное подчинение правилам, лишь бы этот хрупкий мир не рухнул снова, как у героев норвежской драмы.

Сзади раздался резкий, сухой звук — Артем слишком сильно нажал на карандаш, и грифель с треском сломался, оставив на бумаге жирную черную черту.

Лера не повернулась, но спиной почувствовала, как Савельев изменил позу. Он больше не сидел расслабленно, откинувшись на спинку. Он подался вперед, положив локти на парту, и его дыхание стало более частым, тяжелым.

— Савельев, — Ковалев остановился прямо напротив их ряда, внимательно посмотрев на Артема через очки. — Я вижу, финал Освальда вычеркнул вас из рядов созерцателей. Как повашему, почему герой Ибсена выбирает этот бессмысленный, саморазрушительный протест, вместо того чтобы просто построить свою жизнь отдельно от грехов отца? Возможен ли в этой художественной логике выход из круга?

В аудитории воцарилась мертвая тишина. Катя рядом с Лерой даже перестала жевать колпачок ручки. Все знали, что Савельев обычно либо хамил в ответ на такие вопросы, либо просто молчал, делая вид, что не слышит.

Артем молчал несколько секунд. Лера видела его руку на столе — пальцы были сжаты в кулак так сильно, что костяшки, и без того сбитые, побелели до синевы.

— Это не саморазрушение, — наконец глухо произнес он. Голос прозвучал хрипло, с какой-то затаенной, старой злостью. — И не бессмысленный протест. Если тебя в этом доме с детства заставляют жрать то, от чего тебя тошнит, и ты в какой-то момент просто бьешь тарелку об пол и уходишь — это не подчинение сценарию. Это нормальная реакция.

Ковалев понимающе кивнул, ничуть не удивившись резкости ответа и тому, как студент легко перешел со специфики норвежской драматургии на бытовую метафору.

— Разбить тарелку в чужом доме — секундное дело, Артем. Но Ибсен показывает нам финал: Освальд возвращается в те же стены, тяжело больной, и просит у матери солнца. Пока вы заняты тем, что уничтожаете старую посуду и доказываете тем, кто вас запер, свое право на злость, вы не строите ничего своего. Ваша жизнь всё еще вращается вокруг этого разбитого сервиза.

Артем ничего не ответил. Он резко поднялся, с грохотом отодвинув стул, подхватил рюкзак и, не глядя ни на профессора, ни на Леру, быстрыми, тяжелыми шагами пошел к выходу. Дверь за ним захлопнулась с такой силой, что штукатурка над косяком тихо зашелестела.

— Ну вот, — спокойно констатировал Ковалев, возвращаясь к кафедре. — Классический пример бунтующего архетипа. Запишите тезис...

Лера сидела, глядя на пустую дверь. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее. Внутри нее боролись два человека: один, привычный и трусливый, шептал: «*Сиди тихо, пара закончится через двадцать минут, не привлекай внимания, это не твое дело*». Второй — тот, который родился в ней после слов бабушки о «чулане, который заколотили и забыли открыть», — отчаянно требовал действовать.

Она посмотрела на Катю, на профессора. Затем медленно, стараясь, чтобы пальцы не дрожали, закрыла тетрадь, сложила ручку в пенал и поднялась со своего места.

— Воронцова? — Ковалев удивленно приподнял бровь. — Вы тоже решили сдать зачет досрочно?

— Извините, мне мне нужно выйти. Плохо себя чувствую, — тихо, но отчетливо произнесла Лера.

Она не стала дожидаться ответа и выбежала в холодный коридор.

Она нашла его на пожарной лестнице между третьим и вторым этажом. Там почти никто не ходил — пролет упирался в запертую железную дверь склада.

Артем сидел на бетонной ступеньке, широко расставив ноги и уперевшись локтями в колени. Капюшон был натянут так низко, что была видна только линия резко сжатого рта. В руке он вертел зажигалку, то и дело щелкая кремнем, но не зажигая огонь.

Лера остановилась на верхней площадке. Она специально сделала шаг погромче, чтобы он услышал её приближение.

— Савельев, — негромко позвала она.

Артем не поднял головы. Только пальцы на зажигалке на секунду замерли.

— Уйди, Воронцова, — глухо бросил он. — Иди пиши свои цветные конспекты. Тебя профессор потеряет.

Лера не ушла. Она медленно спустилась по ступенькам и села рядом с ним — не слишком близко, оставив между ними те самые полметра, ставшие их привычной дистанцией. Бетон был ледяным, и холод моментально пробрался сквозь ткань её брюк, но она даже не поежилась.

— Он не хотел тебя обидеть, — тихо сказала она, глядя на грязные носки его кроссовок. — Ковалев просто он теоретик. Он судит по книгам.

— Да плевать мне на твоего Ковалева, — Артем наконец повернул к ней голову. Под капюшоном его глаза казались совсем черными, в них горела та самая дикая, загнанная злость, которую она видела в коридоре. — И на его теории плевать. Они все такие умные, сидят, рассуждают про сценарии, про родителей Да что он знает вообще? Что они все знают?

Он с силой крутанул колесико зажигалки, и в полумраке лестничного пролета на секунду вспыхнул яркий желтый огонек, выхватив его бледное, осунувшееся лицо.

— Мать звонила утром, — вдруг без всякого перехода, тихим, упавшим голосом сказал он, утыкаясь взглядом в пламя. — Сказала, что продает квартиру. Ту, в которой я вырос. Сказала, что уезжает к своему этому новому. И чтобы я забирал свои вещи до конца недели. Все свои «шмотки и хлам», понимаешь? Ей просто вообще насрать, где я буду жить, че со мной будет. Главное — устроить свою жизнь. А Ковалев этот «бунт», «осколки»

Огонек погас. Артем отшвырнул зажигалку в угол площадки, где она со звоном ударилась о перила. Он низко опустил голову, закрыв лицо ладонями. Его плечи судорожно дернулись — всего один раз, но Лере показалось, что этот огромный парень сейчас просто рассыплется на части прямо здесь, на этом холодном бетоне.

Внутри нее сработал привычный алгоритм: *«Спрячься. Замолчи. Не лезь в чужую боль, бабушка же предупреждала»*. Но Лера впервые в жизни проигнорировала этот внутренний голос.

Она медленно протянула руку и положила ладонь ему на плечо — осторожно, едва касаясь пальцами плотной ткани толстовки. Ей было страшно, что он сейчас сбросит её руку, рявкнет или уйдет, но Артем не двигался. Под её ладонью его плечо было твердым и горячим, и она чувствовала, как сильно его колотит крупная, внутренняя дрожь.

— Ты не осколок, Артем, — тихо, но очень твердо произнесла Лера, глядя на его согнутую спину. — И ты не обязан ничего ей доказывать. И Ковалеву тоже.

Артем сидел неподвижно. Прошло, наверное, минуты три — в тишине лестничного пролета было слышно только, как где-то внизу мерно капает вода из неисправного крана.

Потом он медленно опустил руки от лица. Повернулся к ней. В его глазах больше не было злости. Там была только бескрайняя, выжженная пустыня тотального одиночества. Он посмотрел на её ладонь, которая всё еще лежала на его плече, а затем перевел взгляд на её лицо — прямо, долго, нарушая все свои двухсекундные лимиты.

— У тебя руки холодные, Воронцова, — негромко, без прежней хрипоты сказал он. — Вечно ты зябнешь.

Он не убрал её руку. Вместо этого он просто накрыл её ладонь своей — огромной, горячей, со сбитыми костяшками пальцев, на которых Лере больше не хотелось искать следы чужих драк. В этой ледяной темноте пожарной лестницы они сидели вдвоем, и впервые за всё время Лера подумала, что, возможно, разбивать тарелки — это действительно не самое худшее, что можно сделать с этой правильной, удушающей и чужой жизнью.

Глава 9. Осколки и книги

Всю следующую неделю Савельева в университете не было. Его пустая парта на четвертом ряду казалась Лере огромной черной дырой, притягивающей взгляд на каждой лекции. Она ловила себя на том, что то и дело оборачивается на стук открывающейся двери, но в аудиторию заходили другие люди — шумные, чужие, не имеющие никакого отношения к ледяной тишине пожарной лестницы.

Артем появился в понедельник, когда ноябрьский туман окончательно размыл очертания корпусов. Савельев выглядел еще более помятым, чем обычно: темные круги под глазами стали глубже, а в пальцах появилась странная, лихорадочная подвижность. Он не сел на свое привычное место, вместо этого он дождался окончания большой перемены и подошел к кафедре профессора Ковалева, который как раз раскладывал свои неизменные пожелтевшие конспекты.

Лера, собиравшая сумку на первой парте, замерла, прислушиваясь.

— Вы были не правы, — глухо, без вступления произнес Артем, бросая на стол перед профессором две потрепанные книги в мягких обложках. Это были пьесы Ибсена, взятые, судя по сиреневому штампу на срезе, в какой-то районной библиотеке.

Ковалев медленно поднял глаза, поправил очки и взглянул сначала на книги, а потом на студента.

— Вот как? Рад, Савельев, что вы всё-таки решили познакомиться с первоисточником. И в чем же моя ошибка?

— В «Привидениях» Освальд возвращается не потому, что он слабак или его жизнь вращается вокруг отцовского сервиза, — Артем резко ткнул пальцем в обложку. — Он возвращается, потому что он уже болен. Физически. У него не было выбора, его обнулили еще до того, как он успел этот выбор сделать. А вот в другой пьесе, в «Кукольном доме», Нора уходит. Просто хлопает дверью и бросает всё: мужа, детей, этот удушливый правильный порядок. И она не собирается ничего доказывать. Она уходит в пустоту, потому что оставаться — это сдохнуть. Так что ваш круг разрывается, и тарелки бьют не ради злости, а чтобы услышать, как они звенят.

Ковалев едва заметно улыбнулся — не снисходительно, а так, словно коллекционер обнаружил редкий экземпляр среди груды хлама.

— Нора уходит в финале, Артем. Но Ибсен не пишет, что с ней стало через год. Хватило ли ей сил не вернуться? Бунт на пороге — это красиво для театральных подмостков, но реальная жизнь начинается за дверью.

— Она не вернется, — отрезал Артем, забирая книги со стола с такой силой, что бумага жалобно хрустнула. — Тот, кто один раз понял, чем пахнет воздух снаружи, обратно в коробку не полезет.

Он резко повернулся и пошел к выходу. Лера догнала его уже внизу, у массивных дверей гардероба. Ей стоило огромных усилий не показать, как сильно у нее дрожат колени от собственной смелости.

— Артем! — позвала она, протягивая ему термос, который специально вытащила из сумки. — Ты... ты отлично ответил Ковалеву. Я не думала, что ты правда прочитаешь. Возьми, это чай с чабрецом, бабушка заварила, ты же тогда...

Артем остановился так резко, словно наткнулся на невидимую стену. Он обернулся, его лицо перекошило от какого-то яростного, болезненного спазма. Взгляд, в котором еще секунду назад горел интеллектуальный азарт спора, вдруг стал ледяным и колючим.

— Да пошла ты со своим чаем, Воронцова! — рявкнул он на весь вестибюль. Несколько первокурсников у зеркала испуганно обернулись. — И с бабушкой своей пошла, и с пирожками, и со всей вашей правильной, уютной благотворительностью!

Лера отшатнулась, словно её ударили по лицу. Пальцы судорожно сжали металлический корпус термоса.

— Артем, я просто...

— Что «просто»? — он сделал к ней шаг, в его голосе зазвенело то самое страшное, разрушительное бешенство, которого она так боялась в людях. — Пожалеть меня решила? Нашлась спасительница из благополучного квартала! Думаешь, если я один раз пожрал у вас на кухне, то теперь можно лезть мне в душу со своими дурацкими термосами? Мне не нужны твои подачки, поняла? Оставь меня в покое. Займись своими конспектами, правильная девочка.

Он развернулся, толкнул тяжелую дубовую дверь университета и вылетел на улицу, растворяясь в сырой ноябрьской темноте.

Лера осталась стоять посреди вестибюля. Внутри нее всё заledenело. Привычный мир, который она так бережно склеивала последние дни, разлетелся на тысячи мелких, острых осколков, которые вонзились прямо в сердце. Ей стало невыносимо стыдно за свою спонтанность, за то, что нарушила свое главное правило — не высовываться, не навязываться, оставаться в безопасности.

Она медленно опустила руку с термосом. Щеки горели от унижения, мерзкий ком в горле перекрыл дыхание. *«Бабушка была права, — стучало у нее в висках. — Об эти углы очень легко пораниться. Больше никогда...»*.

Артем исчез. Он не пришел ни на следующий день, ни через день, на звонки и редкие сообщения старосты он не отвечал. В аудитории снова воцарился привычный порядок, но для Леры этот порядок теперь пах не покоем, а глухой, изматывающей обидой и холодом, от которого не спасал даже самый толстый вязаный шарф.

Глава 10. Привычная пустота

Мир Леры Воронцовой вернулся в свои берега, но вода в них оказалась ледяной.

Субботний автобус приходил ровно в четырнадцать десять. Занавеска на кухонном окне опускалась в четырнадцать сорок. Конспекты по фольклору были сданы старосте Маше точно в срок — страница к странице, без единого пятнышка или загнутого уголка. Всё функционировало идеально, как отлаженный часовой механизм. Защитные барьеры, выстраиваемые годами, сработали без осечки: Лера снова стала тихой, вежливой, незаметной студенткой, которая помнит все дни рождения и никогда ни с кем не спорит.

Окружающие видели прежнюю Леру и никто не догадывался, что внутри этой идеальной оболочки происходил медленный, бесшумный обвал.

На лекциях по языкознанию в голове Леры стоял монотонный, глухой гул, сквозь который голос преподавателя пробивался с огромным трудом. Она часами смотрела на доску, механически записывая термины, но смысл слов ускользал. Ей приходилось перечитывать одну и ту же строчку в учебнике по пять раз, чтобы просто понять связь между подлежащим и сказуемым.

Самое страшное заключалось в том, что её худшие, самые глубокие страхи получили абсолютное, неопровержимое подтверждение.

«Людам нельзя доверять. С ними нельзя сблизиться, — думала она, глядя на то, как капли дождя стекают по стеклу аудитории. — Безопасность существует только тогда, когда ты одна. Стоит сделать шаг навстречу, стоит приоткрыть дверь в свой мир хотя бы на миллиметр — и тебе обязательно протянут руку. Не для того, чтобы позвать твою, а чтобы ударить или толкнуть».

Лера бесконечно прокручивала в голове те несколько минут в вестибюле. Хлёсткие, злые слова Савельева про «благотворительность» и «правильную девочку» выжгли внутри неё всё живое. Ей было невыносимо, до тошноты стыдно за свой порыв, за этот дурацкий термос, за глупую веру в то, что на пожарной лестнице между ними действительно произошло что-то важное.

В воскресенье вечером они с бабушкой пили чай на кухне. За окном хлестал тяжелый, почти зимний дождь, барабания по отливу, а в квартире было тепло и сухо.

Тамара Владимировна внимательно наблюдала за тем, как внучка тонкими, идеально ровными кружочками нарезает лимон. Ни один жест Леры не выдавал бури: спина прямая, лицо спокойное, на губах — легкая, привычная полуулыбка, предназначенная для внешнего мира.

— Ты очень тихая последние дни, Лерочка, — заметила бабушка, неторопливо помещивая чай серебряной ложкой. — Наш крупногабаритный гость больше не появлялся?

— Нет, его нет в университете, — Лера бережно переложила лимон на фарфоровое блюдо из сервиза с ангелами. Голос прозвучал ровно, без единой лишней вибрации. — Мы немного повздорили в вестибюле, он ясно дал понять, что моё внимание ему в тягость. Так что всё в порядке, бабуль. Ты была права, у него слишком сложный характер, а мне нужно сосредоточиться на зимней сессии.

Тамара Владимировна с облегчением улыбнулась и накрыла ладонью тонкие пальцы внучки.

— Ну вот и хорошо, маленькая моя. Ты приняла очень правильное, разумное решение. Знаешь, у нас на кафедре когда-то была ассистентка — добрая душа, всё пыталась обогреть одного непризнанного гения, который на неё только волком смотрел. Закончилось тем, что он её же во всех своих бедах и обвинил. Нельзя насильно отогреть того, кто замерз внутри и привык в этом холоде жить. Ты проявила чуткость, поделилась домашним теплом — он этого просто не умеет ценить. Не твоя это вина, Лерочка. Зато теперь ты со спокойной совестью

вернешься к своим книгам и нормальной, спокойной жизни. Ты ведь у меня умница, со всем всегда справляешься.

— Да, бабушка, конечно, — Лера мягко кивнула и чуть сильнее сжала её ладонь в ответ.

В этот момент Лере стало по-настоящему не по себе. Бабушка — самый близкий, самый пронзительный человек на свете, женщина, которая, казалось, знала её до последнего вздоха — сейчас говорила так правильно, так жизненно... и совершенно не замечала, что под этой маской «умницы, которая со всем справляется» уже ничего не осталось.

Лера так изящно, так виртуозно научилась скрывать свою боль ото всех, что её фасад безупречного благополучия обманул даже Тамару Владимировну. Бабушка видела только понятную ей, логичную картинку: внучка сделала выводы из житейской глупости, перешагнула через чужую грубость и вернулась в безопасность. Она не видела, что эта «безопасность» была выжженным полем.

Ночью, лежа в темноте и глядя на бледный квадрат света от уличного фонаря на потолке, Лера перевернулась на бок и обняла подушку. В тишине квартиры её обожгла внезапная, безответная мысль.

«Почему мне так плохо? Кто он такой? Просто невоспитанный, грубый, изломанный парень. Противный одноклассник, который случайно оказался рядом. Почему из-за его исчезновения всё вокруг стало таким бесцветным?»

Она пыталась вызвать в себе ту самую праведную обиду, о которой говорила бабушка, но вместо неё внутри разрасталось что-то холодное и пустое. Тяжелое, как чугунная гиря, оно давило на грудь, не позволяя сделать глубокий вдох.

Лера смотрела на темноту за окном и мучительно пыталась понять: откуда вообще взялось это гнетущее чувство? Неужели эта пустота была в ней всегда, а она просто не замечала её раньше? Пряталась за идеальными оценками, вовремя сданными зачетами, цветными маркерами в конспектах и привычными, безопасными маршрутами. Годы жила с этим ощущением легкого онемения внутри, считая его своим «хорошим, спокойным характером».

А потом появился Артем. Резкий, угловатый, злой. Он пришел, сел на четвертый ряд, потащил её под ливнем гулять, пришел в их дом и впервые взял за руку на ледяных ступенях пожарной лестницы. И в эти короткие, странные минуты пустота почему-то отступала. С ним внутри становилось тепло.

Он ушел, громко хлопнув дверью и заставив её снова надеть привычную маску перед бабушкой. Он исчез, и теперь Лера с какой-то пугающей четкостью осознала: без него мир не просто вернулся в прежнее русло. Без него она снова стала абсолютно, безнадежно пуста, но засыпать эту дыру аккуратными конспектами больше никак не получалось.

Глава 11. Горячая картошка

Вторники Тамара Владимировна любила за тишину. В этот день у неё не было лекций в институте, и она могла позволить себе долгий, размеренный ритуал: протереть фарфоровые статуэтки на комод, перебрать старые квитанции и вымыть хрустальные подвески на люстре. Каждая вещь в этой квартире знала своё место с 1984 года. Любое перемещение каралось внутренним дискомфортом, который Тамара Владимировна привыкла называть «немецким порядком».

Она сидела в глубоком кресле у окна, держа на коленях тяжёлую суповую миску с тёплой водой. В воде медленно отмокала старая серебряная брошь в виде ветки сирени — подарок, который когда-то, в прошлой, до неузнаваемости стёртой жизни, казался ей началом чего-то огромного.

Тамара Владимировна посмотрела на свои руки. Сухая, тонкая кожа, покрытая старческими пятнами — которые она давно научила себя называть благородными. И тонкие изящные пальцы — такие же пальцы достались Лерочке. Такие же тонкие запястья. И та же самая привычка — неосознанно сжимать кулаки, пряча ногти в ладони, когда в комнате кто-то резко повышал голос.

«Я воспитала её идеальной», — подумала Тамара Владимировна, и эта мысль отозвалась в груди привычной сухой гордостью — и подспудной виной.

Она никогда не рассказывала внучке о том, что происходило в этих стенах тридцать пять лет назад. Лере ни к чему было знать, как её молодая, блестящая бабушка, подающая надежды преподавательница зарубежной литературы, однажды вернулась домой и обнаружила, что её муж — статный, умный, обожаемый всеми коллегами доцент Воронцов — собрал свои чемоданы. Он не просто ушёл. Он ушёл к её собственной аспирантке, оставив на кухонном столе записку: *«Тома, с тобой невозможно дышать. Твой порядок меня душит. Ты как застёгнутый на все пуговицы воротник»*.

В тот день тридцатилетняя Тамара не заплакала, она не разбила ни одной чашки, но аккуратно сложила записку вчетверо, выбросила её в мусорное ведро, а затем три часа кряду драила паркет в прихожей щёткой с мылом. До кровавых мозолей. Потому что если мир вокруг тебя рушится без предупреждения, единственное, что ты можешь сделать — это удержать под контролем хотя бы чистоту пола.

Позже, когда в автокатастрофе погибли единственные дети — сын и невестка, — она снова не заплакала. Только долго смотрела в одну точку на кухонном кафеле, и когда снова начала видеть, уже точно знала: расслабляться нельзя никогда. Мир подтвердил её страшную догадку: он опасен, он бьёт наотмашь, без жалости, именно тогда, когда ты расслабляешься и позволяешь себе глупость быть счастливой.

Двухлетняя Лера досталась ей испуганным, плачущим ребёнком. И Тамара Владимировна дала себе клятву: эта девочка никогда не совершит её ошибок. Она не доверится случаю, не побежит за мужчиной, раскинув руки. Она будет осторожной, правильной и надёжной.

Год за годом, день за днём, Тамара Владимировна передавала внучке этот невидимый, обжигающий груз — как горячую картошку, которую невозможно удержать в ладонях, но и бросить на землю нельзя. *«Лерочка, будь тише. Лерочка, не выделяйся. Лерочка, проверяй замки. Лерочка, не верь красивым словам»*.

Она вытащила брошь из воды и принялась бережно протирать её сухой фланелевой тряпкой. Серебро тускло блеснуло в полумраке комнаты.

В прихожей щёлкнул замок — Лерочка вернулась из университета. Ровно в семнадцать пятнадцать, как и всегда.

— Бабуль, я дома, — негромко донеслось из коридора. Звук шагов был лёгким, почти невесомым. Лера разулась, аккуратно поставила ботинки на специальный коврик и сразу же, не заходя в комнату, направилась в ванную — мыть руки с мылом.

Тамара Владимировна откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Сердце заныло от странной, бессильной жалости. Её девочка выросла прекрасной, умной, послушной, совершенно безопасной для этого мира. Она так послушно переняла эту горячую картошку, так крепко сжала её в своих маленьких ладошках, что даже не замечала, как этот чужой, застарелый страх медленно обжигает её собственную, ещё не начавшуюся жизнь.

— Умница моя, — тихо прошептала Тамара Владимировна в пустоту комнаты, слушая мерный шум воды в ванной. — Всё правильно. Так и надо. Только так ты уцелеешь.

Глава 12. Девочка-праздник

Катю Васильеву на филфаке знали все. Она была из тех людей, чьё присутствие в помещении обнаруживалось за пару секунд до их появления — по громкому смеху, шуршанию бесчисленных пакетов, звону браслетов и шлейфу сладких ванильных духов. Катя училась на твёрдые тройки, регулярно забывала дома тетради, но преподаватели лишь вздыхали и прощали ей долги, когда она, виновато хлопая ресницами, обещала «всё-всё сдать к пятнице».

Она легко заводила знакомства, могла разговорить угрюмого охранника на вахте или за пять минут очаровать старосту параллельного потока, чтобы раздобыть ответы к зачёту. Катя была везде. Она организовывала студенческие поездки, ходила на все университетские тусовки и, казалось, органически не выносила оставаться одна.

Но только Лера знала, как выглядит Катя, когда праздник заканчивается.

Во вторник после третьей пары они сидели в углу полупустого студенческого кафе. Катя с энтузиазмом рассказывала про вчерашнюю вечеринку у экономистов, активно жестикулируя рукой, увешанной тонкими серебряными кольцами.

— ...и представляешь, Лер, этот Димка из политеха весь вечер за мной ходил! Ну такой смешной, господи. Я ему говорю: «Дима, твой сопромат меня не согреет этой зимой», а он всё равно телефон просит. Я дала, конечно, пусть развлекается.

Лера мягко улыбалась, слушая её. На фоне Кати — яркой, спонтанной, в пушистом розовом кардигане — Лера в своём сером строгом свитере казалась тихой и отдельной от всего этого шума. Но именно рядом с Лерой Катя вдруг сдувалась, как воздушный шар, теряя свою звенящую, карнавальную энергию.

— Ой, ладно, — Катя внезапно замолчала, подперев щеку кулаком и лениво ковыряя вилкой остывший блинчик. Её взгляд, ещё секунду назад искрящийся, стал непривычно пустым. — Устала я от них всех. Шумят, чего-то хотят постоянно... Ты одна меня не трогаешь, Лерка. С тобой молчать можно.

Она не продолжила. Отломил кусок блинчика, не съела, отложила вилку. Посмотрела в окно — там, на улице, мимо проходили студенты с рюкзаками, кто-то смеялся — и на секунду лицо у Кати стало как у человека, который смотрит на другой берег реки, зная, что моста нет.

— Что-то случилось? — тихо спросила Лера. — Ты сегодня бледная. Наверное, не выпалась из-за тусовки?

— Да нет, всё супер! — Катя моментально выпрямилась, и на её лицо, как по щелчку, вернулась привычная сияющая улыбка. — Дома просто... Ай, да ерунда.

Она замолчала ещё на секунду. Поправила браслет на запястье — аккуратным, привычным движением, будто задёрнула штору.

— Родители опять устроили «вечер высокой культуры». Мамуля приготовила лазанью, папа купил билеты в театр. Они у меня просто святые, Лер. Лучшие на свете. Постоянно заботятся, шагу ступить не дают. Вот я и сбегаяю к девчонкам — чтобы просто не мешать их семейной идиллии.

Она говорила это быстро, слишком легко. И Лера в очередной раз промолчала. Она видела, как у Кати на долю секунды дрогнули губы, когда та произнесла слово «родители».

В этот момент телефон Кати завибрировал на столе. Она скосила на него глаза — и почти незаметно, на одну только долю секунды, что-то в ней напряглось, как перед прыжком в холодную воду. Потом взяла трубку.

— Мамуль, привет! — голос стал другим: мягким, округлым, без единого острого угла. — Да, я в кафе с Лерой. Да, поела. Нет, не холодно, я в кардигане. Ну мам... Ладно. Да. Скоро буду. Целую, пока.

Убрала телефон. Улыбнулась Лере — широко, безмятежно, как будто ничего не произошло.

— Мамуля волнуется, — пояснила она. — Она всегда так.

Лера кивнула. Не стала спрашивать, почему за весь разговор Катя ничего не спросила в ответ. Только «да», «нет», «скоро буду» — как будто разговаривала не с матерью, а сдавала тихий, бесконечный экзамен.

Катя созванивалась с матерью по пять раз на день, отчитываясь о каждом шаге приторно-ласковым голосом, — но пальцы при этом так сильно сжимали телефон, что белели ногти. На стене её страницы в соцсетях были десятки фотографий идеальных семейных обедов, но Катя никогда никого не звала к себе в гости.

Она всегда была в центре толпы, но никто на потоке не знал, какую музыку она слушает, когда одна идёт к автобусу. И только Лера имела право видеть её настоящую — уставшую, молчаливую и запутавшуюся в собственном празднике.

Глава 13. Запретный интерес

Через неделю, когда ноябрьские сумерки опустились на город уже к четырём часам дня, Катя сама пришла к Лере домой. Без предупреждения — вещь, которая для Лериного расписания была сродни стихийному бедствию. Но вид подруги, стоявшей на пороге с размазанной от сырости тушью и непривычно поджатыми плечами, заставил Леру забыть о правилах.

Тамара Владимировна деликатно ушла в свою комнату, оставив девочек на кухне с большим чайником.

Катя долго молчала, обхватив горячую чашку ладонями. На ней не было её привычного пушистого кардигана — только старое, растянутое худи, в котором она казалась совсем маленькой.

— Лер, я, кажется, с ума схожу, — наконец глухо произнесла она, не поднимая глаз. — Мне нужно тебе кое в чём признаться. Только пообещай, что не осудишь.

— Кать, да что ты. Что случилось? — Лера придвинулась ближе, чувствуя, как внутри привычно заворочалась тревога.

Катя сделала судорожный глоток чая, словно набираясь смелости.

— Это из-за Савельева. Из-за Артёма.

Металлическая ложечка в руке Леры тихо звякнула о край блюда. Что-то, что последние дни лежало в ней тихо и плоско, вдруг сдвинулось с места.

— Я не знаю, как это вышло, Лер, — Катя подняла на неё глаза, и в них не было ни капли прежнего кокетства — только растерянность и какой-то детский, наивный испуг. — Он не выходит у меня из головы. Вообще. Помнишь, как он тогда в коридоре на меня рывкнул? Про то, что мир вокруг меня не вращается? Меня ведь парни всегда только на руках носили, заглядывали в рот, стелились коврик. А он... он смотрит на меня как на пустое место. Или как на назойливую муху. И меня это так цепляет, Лер! До дрожи.

Катя вдруг поднялась, прошла по кухне — кольца звякнули о чашку, которую она зачем-то взяла с собой, — и снова села. Не напротив, а рядом, почти вплотную.

— Я пыталась с ним заговорить вчера у расписания. Пошутила как-то глупо, предложила кофе попить. А он просто прошёл мимо, даже взгляд не задержал, понимаешь? Будто меня вообще не существует. Я после этого пришла домой и полночи проревела. Родителям сказала, что голова болит, они там вокруг меня с таблетками бегали, а мне тошно... Мне так хочется, чтобы он хотя бы просто посмотрел на меня — по-настоящему. Пусть наорёт, пусть разозлится, но только не это его ледяное равнодушие.

Лера сидела неподвижно. Внутри неё, за фасадом безупречного, понимающего спокойствия, происходило что-то страшное. Ей казалось, что Катя сейчас своими тонкими, ухоженными пальцами залезла прямо в её закрытый чулан и перебирает там её собственные, самые ценные и болезненные воспоминания: пожарную лестницу, горячую руку со сбитыми костяшками, ледяной бетон.

Но Катя ничего этого не знала. Она видела перед собой прежнюю Леру — надежную, добрую подругу, которая всегда поможет и поймет.

— Лерка, ну ты же умная, ты людей видишь, — Катя умоляюще схватила Леру за руку. Её ладонь была липкой и дрожащей. — Что мне делать, а? Как к нему подойти? Может, мне как-то измениться надо? Одеваться по-другому? Или, наоборот, поймать его где-нибудь после пар, когда он один? Посоветуй что-нибудь, пожалуйста. Я без него жить не могу, меня прямо выворачивает всю...

Лера посмотрела на их соединенные руки. Ладонь Кати была горячей, импульсивной. Ладонь Леры — привычно холодной.

Ей нужно было ответить. Нужно было разжать губы и произнести слова, которые от неё *ждали*. Маска идеальной подруги, которую она носила всю жизнь, требовала мягко улыбнуться, успокоить и дать хороший, дельный совет. Но впервые в жизни Лера почувствовала, как эта маска душит её, не позволяя сделать даже самый короткий вдох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.